

A movie poster for 'Colors of Amnesia' (Холфильдс). The scene is set on a city street at dusk. In the center, a man with a ponytail and a beard, wearing a dark jacket, holds a professional camera. To his left, a woman with long brown hair, wearing a black leather jacket and a black skirt, looks towards him. To his right, a young girl with pigtails, wearing a black dress and black sneakers, holds a glowing flame in her hands. In the background, a large, glowing, multi-colored vortex (red, orange, yellow, green, blue) is visible. A large, glowing book is positioned in the center, with bright light and energy emanating from it. The overall atmosphere is mysterious and fantastical.

Алексей Жигунов

**Краски забвения
Холфильдс**

Алексей Жигунов

Краски забвения Холфильдс

«Автор»

2026

Жигунов А. А.

Краски забвения Холфильдс / А. А. Жигунов — «Автор», 2026

Фэнтези о мире, созданном искусством, где картины способны становиться реальностью, а воспоминания могут менять судьбу. После загадочного появления в мире Холста Элли Мун, Мира Дарс и Джон Трент оказываются втянуты в борьбу за судьбу целой реальности. Мир вокруг них трещит по швам: возникают разломы, появляются странные существа, а сама ткань реальности начинает переписываться неизвестной силой. В центре этой истории находится тайна ведьмы Микаэллы Холфильдс — великой художницы, которую предали собственные ученики сто пятьдесят лет назад. Когда-то она мечтала создавать красоту, но предательство, страх и многолетнее заточение превратили её в легенду, которую все считают чудовищем. Чтобы спасти Холст и его жителей, героям предстоит узнать правду о прошлом, столкнуться со своими страхами и понять, можно ли исцелить того, кого весь мир давно признал монстром. Это история о дружбе, памяти, предательстве, прощении и силе искусства, способного как создавать миры, так и разрушать их.

© Жигунов А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Холст, который дышит	5
ГЛАВА 2. ВХОД	6
ГЛАВА 3. ДЖОН ТРЭН И ПЕРВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алексей Жигунов

Краски забвения Холфильдс

ГЛАВА 1. Холст, который дышит

Сто пятьдесят лет назад, в мире, где искусство считалось лишь отражением реальности, жила женщина по имени Микаэлла Холфильдс. Она была величайшей художницей своего времени. Но её дар не подчинялся привычным законам. Она не изображала мир — она его создавала. Её картины дышали. Свет внутри них менялся, когда на них смотрели. Персонажи, запечатленные в полотнах, начинали помнить себя. А иногда — смотрели наружу. Сначала люди восхищались этим. Потом начали бояться. А затем страх стал приговором. Её назвали ведьмой. Не за зло. А за невозможное. Её предали те, кто учился у неё. Те, кто хотел забрать её силу, но не смог её понять. И на рассвете её казнили. Без имени в истории. Без права на память. Но Холфильдс не исчезла. Перед смертью она создала последнее произведение — огромный холст, выше человеческого роста. И когда её жизнь оборвалась, сознание не ушло. Оно вошло внутрь картины. И стало её сердцем. Холст перестал быть искусством. Он стал тюрьмой. Но не для тела — для тех, кто способен создавать образы. Художники. Фотографы. Все, кто видит глубже поверхности. Каждый из них мог быть затянута внутрь. И внутри этого мира время перестало быть единым. Картины начали сливаться. Эпохи разрушались. Реальность трескалась, как непросохшая краска. И перед тем как исчезнуть окончательно, Холфильдс произнесла: — Если вы лишили меня мира, я стану его отражением. — И каждый, кто создаёт образ, однажды окажется внутри него. И однажды разрыв открылся вновь. В жизни девушки по имени Элеонора Скайвудс.

ГЛАВА 2. ВХОД

Элеоноре Скайвудс было восемнадцать лет. В ту ночь она почти не чувствовала времени. Оно всегда вело себя странно рядом с её рисунками: то ускорялось, то исчезало вовсе, оставляя после себя только усталость и незавершённые мысли. Комната была полутёмной. Лампа на столе давала мягкий жёлтый свет, который ложился на холст так осторожно, будто боялся его потревожить. На полу лежали тюбики краски, треснувшие карандаши, испачканные салфетки. Всё это выглядело как следы чужого присутствия, хотя Элеонора была одна. Перед ней стоял холст. Город. Не тот, что можно придумать за вечер. И не тот, что можно срисовать из памяти. Он был слишком точным. Слишком живым. Улицы на нём не просто сходились — они будто продолжали движение даже после того, как кисть отрывалась от поверхности. Башни тянулись вверх, словно пытались вырасти за пределы ткани. Окна не отражали свет лампы — они светились сами по себе. Элеонора долго смотрела на картину, не моргая. Иногда ей казалось, что если она отвернётся, город изменится. Или исчезнет. Или, что хуже — обидится. Она осторожно провела кистью по краю одного из зданий. Краска легла слишком легко. Слишком правильно. Как будто холст уже знал, куда она собирается её нанести. — Это просто усталость — тихо сказала она себе. Но голос прозвучал неуверенно. Потому что усталость не объясняла того, что происходило дальше. Краска на холсте дрогнула. Не потекла. Не размазалась. А именно дрогнула — как кожа, по которой пробежал холод. Элеонора замерла. Лампа на столе едва заметно мигнула. Воздух в комнате стал плотнее, будто кто-то невидимый сделал вдох. И тогда она услышала звук. Не ушами — внутри головы. Тихий треск, похожий на натяжение ткани. Она отступила на шаг. Холст оставался неподвижным. Но ощущение изменилось: теперь это был не предмет. Это было нечто, что смотрело на неё. И в этот момент город на картине моргнул. Элеонора резко выронила кисть. Она ударилась о стол и оставила на поверхности тонкую линию краски, которая медленно поползла в сторону холста — будто её тянули. — Нет — прошептала она. Но слово прозвучало слишком тихо даже для неё самой. Краска на холсте начала двигаться. Сначала медленно. Потом увереннее. Линии города перестали быть статичными — они слегка смещались, как будто кто-то внутри изображения повернул голову. Окна стали глубже. Тени — длиннее. А свет внутри них стал неправильным. Не нарисованным. Настоящим. Элеонора отступила назад, и пол под ногами вдруг показался неустойчивым, словно комната перестала быть уверенной в собственной форме. — Это невозможно — выдохнула она. И в этот момент холст сделал вдох. Не метафорически. Не образно. Она почувствовала это всем телом — как движение воздуха, втянутого внутрь огромного лёгкого. И вместе с этим вдохом границы изображения исчезли. Мир сложился внутрь себя. Без треска. Без разрушения. Просто — как будто реальность решила, что ей больше не нужно существовать снаружи. Элеонора не успела закричать. Потому что звук тоже был втянут. Комната исчезла первой. Лампа растворилась в светящейся линии. Пол ушёл вниз, превратившись в поток краски. Стены сложились внутрь себя, как бумага, которую аккуратно сворачивают. И всё, что она знала о своём мире, перестало существовать. Она падала. Но не вниз. И не вверх. Это было падение внутрь изображения. Сквозь слои цвета. Сквозь плотность линий. Сквозь чужую логику, в которой перспектива больше не имела смысла. Иногда ей казалось, что она слышит голоса. Иногда — что её зовут. Иногда — что сам холст пытается её запомнить. И затем падение оборвалось так же внезапно, как началось. Она стояла. На каменной улице. Под ногами — мокрый булыжник, хотя дождя не было. Воздух пах краской, пылью и чем-то металлическим — как перед грозой. Город был её городом. Но он был неправильным. Он двигался. Улицы слегка смещались, если на них не смотреть прямо. Здания дышали. Окна светились сами по себе. А небо не имело солнца — но всё равно было светлым. Элеонора медленно опустила взгляд на свои руки. Они были её. Но мир будто переписал их. На коже появились

тонкие светлые линии — словно следы кисти, оставленные не краской, а самой реальностью. И тогда внутри неё что-то изменилось. Не боль. Не страх. А имя. Оно возникло само — как подпись, которую она никогда не писала. Элли Мун. Она сделала шаг вперёд. И город ответил ей едва заметным движением — будто признал её существование.

ГЛАВА 3. ДЖОН ТРЭН И ПЕРВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ

Город не сразу стал опасным. Сначала он казался просто странным. Так всегда происходит в мире Холста: он не пугает резко. Он сначала убеждает, что всё в порядке. Что ты просто устал. Просто не выспался. Просто слишком долго смотришь на детали. А уже потом ты понимаешь, что детали начали смотреть на тебя. Элли Мун шла по улице медленно. Её шаги звучали глухо, будто камень под ногами был не камнем, а чем-то мягким — слежавшейся краской и временем. Она не знала, куда идёт. Но знала, что останавливаться нельзя. Потому что неподвижность здесь ощущалась как приглашение. Город вокруг неё жил собственной жизнью. Иногда окна едва заметно «передумывали» свою форму. Линии улиц смещались, если на них долго не смотреть прямо. И самое страшное — мир не реагировал на это страхом. Только она. Элли остановилась. Потому что почувствовала взгляд. Не один. Много. Из переулков. С верхних этажей. Из окон, которых не должно было существовать. Она медленно повернулась. И увидела их. Сначала это были просто силуэты. Слишком размытые, чтобы назвать их людьми. Они стояли так, будто были частью стен. Но стоило сфокусироваться — и стены переставали быть стенами. Фигуры отделялись. Складывались. Начинали двигаться. И тогда стало ясно. Это не люди. Это ошибки изображения. Как если бы кто-то слишком сильно нажал кистью и не исправил мазок. Одна из фигур сделала шаг. И улица за её спиной «потекла». Как мокрая краска. Элли отступила. — Нет — прошептала она. — Это просто иллюзия. Но иллюзии не отвечают. А эта — ответила. Фигура повернула голову. И мир вокруг Элли дрогнул. На долю секунды её существование словно проверили. Воздух рядом стал плотнее. И голос прозвучал спокойно: — Не смотри на них долго. Элли резко обернулась. Он стоял в нескольких шагах. Высокий. Русые волосы собраны в короткий хвост — так, будто он не позволял себе лишних движений. Сизые глаза — холодные, внимательные, слишком спокойные для этого мира. Ему было около двадцати трёх. И он выглядел так, будто давно перестал удивляться невозможному. — Кто ты? — спросила Элли. Он чуть наклонил голову, оценивая её. — Джон Трэн. Пауза. — И ты стоишь там, где стоять не стоит. Фигуры в переулках начали двигаться быстрее. Одна вытянулась вверх, как тень, забывшая форму. Другая рассыпалась на линии и снова собралась — уже иначе. Город вокруг них становился всё более нестабильным. Элли сделала шаг назад. — Что это за место? Джон посмотрел на улицу так, будто она была старым знакомым, который всегда лжёт. — Это не место, — сказал он. — Это состояние. Он перевёл взгляд на неё. — Ты в картине. Элли коротко и нервно усмехнулась. — Это невозможно. Джон не спорил. Он смотрел на неё так, как смотрят на человека, который ещё не понял правила, но уже живёт внутри него. — Здесь всё невозможно, — сказал он спокойно. — Пока не становится нормой. Фигуры приблизились. Теперь было ясно: они не просто двигались. Они переписывали пространство. Улица за ними искажалась — углы смягчались, перспектива ломалась, тени ложились не туда. Элли почувствовала холод внутри. — Они идут к нам — Они идут к тому, что ещё не стало частью Холста, — спокойно поправил Джон. Он сделал шаг вперёд. И в этот момент реальность дрогнула. Почти незаметно. Как моргание. Но Элли увидела. На долю секунды всё вокруг Джона застыло. Пыль повисла в воздухе. Движение улицы остановилось. Даже свет будто перестал течь. — Не смотри, — резко сказал он. Но было поздно. Она уже увидела. И время вернулось. Джон пошатнулся. Не телом — чем-то глубже. Как будто внутри него что-то сместилось. Фигуры приблизились вплотную. Одна подняла руку. И пространство рядом с Элли начало проваливаться — будто реальность не выдерживала давления. — Сейчас будет неприятно, — тихо сказал Джон. — Что ты собираешься делать?! — резко спросила она. Он ответил не сразу. — Остановить это. И шагнул вперёд. Мир щёлкнул. Не звуком. Состоянием. Всё остановилось. Капли воздуха замерли. Тени перестали двигаться. Фигуры застыли в моменте атаки — как вырезанные из времени. Даже звук исчез. Город стал стеклянным. Элли могла двигаться. Но

всё остальное — нет. И это ощущалось хуже, чем нападение. Потому что теперь мир не был просто опасным. Он был сломанным. Джон медленно прошёл мимо неё. Он двигался так, будто шёл через сон, который сам же и остановил. Он поднял руку. И одна из фигур начала рассыпаться — не телом, а смыслом. Как будто без движения она больше не могла существовать. И тогда Элли увидела его лицо. Не спокойствие. Не контроль. А цену. Тонкую трещину в выражении. Как будто внутри него что-то стиралось. — Джон — прошептала она. Он не ответил. Мир снова щёлкнул. И всё вернулось. Звук ударил в уши. Воздух обрушился обратно. Фигуры дёрнулись, будто ничего не произошло. И только одна исчезла — оставив после себя пустоту в пространстве. Джон выдохнул. И на секунду закрыл глаза. Как человек, который что-то забыл — но не знает что. Элли смотрела на него. — Что ты сделал? Он открыл глаза. И посмотрел на неё иначе. Как будто увидел заново. — Я тебя спас, — сказал он. Пауза. — И немного себя потерял. Он отвернулся. Но, уходя, добавил: — Если хочешь выжить здесь — не стой одна. И пошёл вперёд. Вглубь города, который продолжал дышать, как живой холст. А где-то далеко, за слоями линий и трещин, реальность на мгновение зафиксировала её появление. Как ошибку. Слово сама ткань мира наконец запомнила, что её можно разорвать. Элли шла по улице вместе с Мирой. Джон появился позже — он всегда возникал так, будто время не могло решить, впускать его или нет. Но сейчас его не было. И это ощущалось неправильно. Слишком тихо. Сначала исчезли детали. Улицы стали слишком ровными. Слишком гладкими. Слово по ним провели кистью, стерев все ошибки. Затем пропали шаги. Даже ветер перестал шуршать. И только сердце Элли напоминало: реальность всё ещё держится. Мира остановилась первой. — Мне это не нравится — тихо сказала она. Огонь в её ладонях не появился сразу. Слово он тоже сомневался. И в этот момент мир начал течь. Не буквально — скорее так, как течёт изображение, если на него смотреть под неправильным углом. Стены сместились. Линии горизонта дрогнули. Воздух потемнел. — Они здесь, — раздался голос за спиной. Джон. Он появился без шага — просто оказался рядом, как ошибка в кадре. Русые волосы, собранные назад. Холодные, сосредоточенные глаза. Спокойствие, которое давно перестало быть спокойствием — стало привычкой не показывать напряжение. — Кто? — спросила Элли. Джон не ответил сразу. Он смотрел на улицу так, словно она перестала быть реальностью. — Мутанты, — наконец произнёс он. — Остатки тех, кто слишком долго пробыл в Холсте. И тогда они вышли. Сначала — силуэты. Слишком высокие. Слишком неправильные. Потом они отделились от стен, словно город больше не хотел их удерживать. И наконец стали видимыми. Один напоминал человека. Только на первый взгляд. Его тело не было завершено. Лицо распадалось на фрагменты. Руки тянулись вниз, как мокрая краска. И самое страшное — он двигался не шагами. А искажением. — Не смотри долго, — резко сказал Джон. — Почему?! — Элли не отвела взгляд. И это стало ошибкой. Мутант повернул голову. И посмотрел прямо на неё. Мир внутри Элли дрогнул. Не боль. Не страх. А ощущение, будто её начинают переписывать. Слой за слоем. Деталь за деталью. — Элли! — голос Миры прорезал воздух. И тогда Джон шагнул вперёд. Спокойно. Слишком спокойно. И мир остановился. Не резко. Не громко. Просто сломался. Капли воздуха зависли. Звук исчез. Свет застыл. Город стал стеклянным. Элли поняла, что может двигаться. Но всё остальное — нет. — Не стой, — тихо сказал Джон. Он прошёл мимо неё. И его спокойствие стало другим — рабочим. Холодным. Выверенным. Мутанты застыли в странных позах. Но даже в остановленном времени они оставались живыми — будто ждали продолжения. Джон поднял руку. Один из них начал рассыпаться. Не телом — смыслом. Как изображение, теряющее связь с оригиналом. — Что ты с ними делаешь? — прошептала Элли. — Убираю ошибку, — ответил он, не оборачиваясь. — Пока она не стала правилом. И тогда Элли заметила главное. На долю секунды. Как трещину в стекле. Каждая остановка времени забирала у него что-то. Не силу. Не тело. Память. Он моргнул. И на миг выглядел так, будто забыл, зачем вообще остановил мир. — Джон — тихо произнесла она. Он не ответил. Мир снова щёлкнул. Всё вернулось. Звук ударил первым. Потом движение. Потом

воздух. Мутанты дёрнулись, словно ничего не произошло. Но один исчез. Оставив после себя пустоту — вырезанный фрагмент реальности. Джон выдохнул и на секунду закрыл глаза. — Ты в порядке? — спросила Элли. Он посмотрел на неё иначе. Как на человека, которого нужно учитывать. — Да, — ответил он. Пауза. — Просто стало чуть меньше меня. Мира стояла в стороне. Огонь погас, но взгляд стал внимательнее. — Это не просто мутанты, — сказала она тихо. — Это то, чем мы станем, если задержимся здесь слишком долго. Холод прошёл по коже Элли. — Значит, мы тоже Мира не ответила. И это было ответом. Где-то глубоко в Холсте мир сдвинулся. Едва заметно. Но окончательно. И свет стал слишком живым. Слишком раскрывающим. С этого момента время перестало быть последовательным. Причины отделились от следствий. А реальность — от уверенности в себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.